

ИЛЛИДАН

Уильям Кинг

Издательство АСТ
Москва

*Моему сыну Дэну,
который сопровождал меня
туда и обратно*

ПРЕЛЮДИЯ
За шесть лет до падения

Древняя тьма, окружавшая его, мешала видеть не более чем отсутствие глаз. Когда-то он был одним из величайших чародеев. Его призрачное зрение позволяло разглядеть каждый дюйм клетки с куда большей ясностью, чем глаза из плоти.

Впрочем, он мог ориентироваться в этой тюрьме и без зрения. Он знал каждую плиту в полу, каждое заклинание, связывавшее его. Знал даже на ощупь. Знал, каким будет эхо от каждого из девяти шагов, необходимых ему, чтобы пересечь камеру. Он ощущал магические токи, пронизывающие все вокруг. Заклинание за заклинанием, чары за чарами, их сокрушающая душу мощь служила лишь одной цели: убедиться, что он останется погребенным здесь, забытый и непрощенный.

Те, кто лишил его свободы, рассчитывали, что это место станет ему могилой, и забыли о нем на долгие тысячелетия. Им стоило убить его. Это было бы лучше. Но нет, ему оставили жизнь, прикрывшись маской милосердия. Это позволило тем, кто пленил его, — брату, Малфуриону Ярость Бури, и Тиранде Шелест Ветра, женщине, которую он любил, — быть о себе лучшего мнения.

Тянулись долгие столетия, в течение которых он не слышал голоса другого живого существа. Только его тюремщики, Стражи, изредка обращались к нему, и от этого ненависть к ним лишь возрастала. Наибольшее отвращение у него вызывала их командир, Майев Песнь Теней. Эта навещала его чаще других, опасаясь побега — несмотря на все предосторожности. Некогда она желала ему смерти. Теперь задачей всей ее жизни было следить за тем, чтобы он оставался в тюрьме, даже когда все о нем позабыли.

«Что это? Кольцо связующих заклятий как будто слегка дрогнуло?»

Невозможно. Побег из этого места невыносим. Даже в смерть — чары залечат любую рану, какую он сумеет нанести себе. Та же магия поддерживала его живым без нужды в воде или пище. Мастера сплели эти узы так туго и глубоко, что нарушить их могли только те, что похоронили его заживо. А они ни за что не сделают этого — слишком боятся, чтобы вернуть ему свободу. И правильно делают.

Столетиями он размышлял о том, что сделал бы с теми, кто заключил его сюда. Ведь время — единственное, что у него было. В заключении он провел куда больше лет, чем на свободе, и не будь он собой, давно лишился бы рассудка.

А может, уже и лишился. Сколько тысяч лет прошло с момента пленения? Он потерял счет времени. Это было хуже всего. Века во тьме, запертый в клетке, не способный сделать больше девяти шагов в любом направлении. Он, который некогда охотился на демонов на диких просторах Азерота, оказался заточен в месте, где сам не оставил бы и зверя.

Они приговорили его к этому, хотя вся его вина заключалась лишь в попытке одолеть их общего противника. Он проник в стан Пылающего Легиона, заклятых врагов его народа — нет, всего его мира, чтобы попытаться свести на нет ущерб, причиненный демоническими захватчиками.

Был ли он вознагражден за это? Нет! Он был похоронен заживо. Его народ счел его изменником, предателем. А ведь когда-то его чтили как героя. Но только не теперь. Если его вообще помнят, то его имя стало проклятием.

«Это был лязг оружия?» Он отбросил эту мысль, не позволяя надежде всколыхнуться в груди. Не осталось никого, кто хотел бы видеть его на свободе. Семья, друзья — все отвернулись от него, когда он попытался воссоздать Колодец Вечности, древний источник магии ночных эльфов на горе Хиджал. Свободы ему могли желать лишь демоны. Тюремщики скорее убьют его, чем позволят бежать. И пока действуют заклятия, он ничем не сможет им помешать.

Но вот опять... Новая дрожь в магических токах вокруг него. Плетения силы, что сдерживали его все это время, стали ослабевать. Он поднял руки перед лицом, размял пальцы и попытался зачерпнуть магии. И впервые за тысячи лет добился хоть какого-то ответа: ощутил струйку силы, столь слабую, что подумал, что она существует лишь в его воображении. Тогда он воззвал к своим парным боевым клинкам Аззинота. Их триумфально выставили напоказ снаружи, на оружейной стойке возле камеры, в издевку над ним, но сейчас древняя духовная связь заставила могучие оружия материализоваться у него в руках. Сила потекла сквозь них, и руны на лезвиях засветились.

Сердце забилось чаще, во рту пересохло. Появился шанс обрести свободу после всех лет заточения. Он крепко сжал рукояти клинков. Некогда они убивали демонов. Теперь будут убивать эльфов. Сейчас эта мысль не ужасала его так, как прежде. Это даже доставило бы ему удовольствие.

Магические оковы снова замерцали. Звуки битвы раздавались все ближе. Часть оков рухнули — должно быть, их осквернила пролитая кровь или разрушили заклинания, которые, как он чувствовал, были применены в бою. И по мере того, как таяли узы, в его тело вливалась энергия. Сердце колотилось, плоть покалывало. Он чувствовал себя так, словно способен выдыхать огонь. После стольких лет воздержания поток силы почти ошеломлял.

Ощувив за дверью чье-то присутствие, он приготовился к атаке, однако тут раздался голос, услышать который он ожидал меньше всего.

— Иллидан, ты там? — спросила Тиранда Шелест Ветра.

Все мечты о мести, все планы воздаяния тут же испарились, словно и не было всех этих долгих лет в заточении. Он поразился возникшему чувству. Он-то думал, что стал черствым ко всему и всем — особенно к ней.

— Тиранда... ты? — Его голос был хриплым после десятилетий молчания. — После всех этих веков, проведенных во тьме, твой голос для моего разума — как чистый свет луны.

Сказав это, он тут же проклял себя за слабость. Не эти слова он произносил в мечтах о побеге и свободе. И все же они сами сорвались с губ, а в груди вспыхнула искра надежды. Быть может, Тиранда осознала, что совершила ошибку? Пришла освободить его, даровать прощение?

— Легион вернулся, Иллидан. Твой народ снова нуждается в тебе.

Он стиснул рукояти клинков.

— *Мой народ?* Нуждается во мне? Мой народ бросил меня гнить здесь! — Горло сдавило от гнева, и он не смог больше говорить. Итак, демоны вернулись, как он и полагал всегда, и его народ *хочет* помощи. *Его* помощи. Жидкое пламя ярости растекалось по жилам, оставляя за собой выжженную пустоту, и еще больше силы тут же хлынуло туда, чтобы заполнить ее.

Сомнений нет, охранные заклятия ослабели благодаря Тиранде. Это ее воля дрогнула, нарушив целостность магических потоков.

Иллидан сосредоточил всю накопленную ярость и все отчаяние в одно могущественное заклятие распутывания. Еще мгновение тюремные узы держались — но лишь мгновение. Реки силы размыли барьеры: связывающие чары рушились — поначалу медленно, однако с каждым мигмом все быстрее. И вот уже Иллидан прорвался сквозь решетку камеры, разбив каменную кладку.

Тиранда стояла снаружи, прекрасная, как прежде, и пристально смотрела на него. Годы нисколько не изменили ее. Она была все так же высока, с бледно-фиолетовой кожей и синими волосами; грациозная, словно храмовая танцовщица, и восхитительная, как восход луны над Нордрассилом. От нее исходил тяжелый запах крови, а еще высвобожденной магии. Тиранда отвернулась, должно быть, не в силах выдержать исполненный гнева взгляд Иллидана. И это ранило больше всего: видеть, как она отворачивается от него после всех долгих лет, прошедших с их последней встречи.

— Когда-то я любил тебя, Тиранда, и ради той любви я выслежу демонов и низвергну Легион, — про-

рычал Иллидан, оскалив зубы. — Но *нашему* народу я ничего не должен!

На этот раз она встретилась с его взглядом, и на ее лице одна за другой появлялись и тут же исчезали эмоции: надежда... страх... а это что — жалость или сожаление? Он не был уверен и презирал себя за то, что размышляет о ее чувствах. То, что она чувствовала, ничего не значило для него. Ничего!

— Поспешим обратно на поверхность! — сказала Тиранда. — Порча демонов распространяется с каждой секундой, которую мы тратим попусту.

И это все. Все приветствие, которого он удостоился через тысячи лет, растроченных впустую. Ни извинений. Ни раскаяния. Тиранда помогла заточить его в это жуткое место, и вот ей нужна его помощь. А хуже всего то, что он был готов ей помочь.

* * *

Пол по другую сторону от его клетки усеивали тела. Очевидно было, что здесь произошла жестокая битва и что Тиранде пришлось пробиваться силой, чтобы освободить узника. Должно быть, она действительно в отчаянии, раз решилась на подобное. Опустив взгляд на массивный труп Хранителя Роши, Иллидан подумал, что если Пылающий Легион и впрямь вернулся, у нее были на то все основания. Легион уничтожал миры так же, как армии уничтожают города.

— Это ты его убила? — спросил он, указывая на тело Калифакса.

— Я, — призналась Тиранда. — Хранитель Роши не отпустил бы тебя просто так.

— Майев разозлится, — хохотнул Иллидан. — Калифакс был одним из ее любимчиков.

Лицо Тиранды вспыхнуло.

— Это не повод для смеха! — сказала она.

— За прошедшие тысячи лет с того момента, как ты заточила меня здесь, мне выпадало маловато причин для веселья. Прости, если мое чувство юмора покажется тебе немного странным.

— Десять тысяч.

— Что?

— Ты провел в заточении более десяти тысяч лет.

Смех умер на его губах. Тяжесть слов Тиранды давила подобно тяжести земли над их головами.

— Так долго, — тихо произнес Иллидан. Он оглядел древние своды своей темницы, проследив плетение чар, державших его здесь. А затем ускорил шаг, твердо вознамерившись покинуть это место и больше никогда сюда не возвращаться.

— Так почему же ты освободила меня на самом деле? — спросил он у Тиранды, все еще надеясь вызвать хоть малую толику раскаяния в том, что она совершила.

— Говорю же: Плавающий Легион вернулся. Никто не знает о нем больше твоего. Никто не убил демонов больше тебя.

— Выходит, мое вероломство тебя не страшит? Ты не забыла, что меня прозвали Предателем?

— Ты был предателем, но в конце концов встал на верную сторону.

— И посмотри, куда меня это привело, — заметил он, поводя вокруг татуированной рукой.

— Ты мог погибнуть. Как и очень многие из нашего народа.

— Нашего народа... Ты продолжаешь твердить о нашем народе. Но они — не *наш* народ. Это твой народ.

— Ты так нас ненавидишь?

— Да. — Иллидан скривил в усмешке губы. — Но, к счастью для тебя, демонов я ненавижу сильнее.

Тиранда кивнула, как будто получив подтверждение тому, что хотела услышать. В голову закралось подозрение: жизнь ему сохранили не из притворного милосердия, а потому, что знали — однажды Иллидан потребуется вновь. Его поместили сюда на хранение, словно оружие в арсенал.

Иллидан почувствовал впереди существо чудовищной — и знакомой — силы. Его брат. Этого стоило ожидать: куда бы Тиранда ни направилась, возлюбленный, Малфурион, ее не оставит. Иллидан напрягся всем телом, готовый вступить в бой.

Его спутница почувствовала это и рванулась вперед, но остановилась, когда на ее пути возникла массивная, увенчанная оленьими рогами фигура Малфуриона Ярость Бури. При виде освобожденного Предателя красивое лицо верховного друида исказила тревога.

Малфуриона сопровождали четыре Друида Когтя, каждый в облики медведя. Выставив когтистые лапы, они зарычали на Иллидана. Их поставили здесь, чтобы предотвратить его побег, и они были все еще намерены не допустить этого.

— Мал! — воскликнула Тиранда.

Иллидан старался обуздать свой гнев. Перед ним стоял брат, который осудил его. Когда Предатель заговорил, слова его сочились горечью:

— Пройшла вечность, брат. Вечность во тьме!

— Ты отбывал наказание в уплату за собственные грехи, не более, — спокойно ответил Малфурион, выдержав взгляд Иллидана.

От лицемерия этих слов перехватывало дух. Что за брат способен обречь родную плоть и кровь на десять тысяч лет заточения в склепе?!

— И кто ты такой, чтобы судить меня? Вспомни: мы сражались против демонов плечом к плечу!

Воздух между ними дрожал от напряжения. В тот миг оба были готовы сражаться и убивать.

— Довольно, вы, двое! — вскричала Тиранда. — Что сделано, то сделано.

Все свое внимание она сосредоточила на Малфурионе.

— Любовь моя, с помощью Иллидана мы снова изгоним демонов и спасем то, что осталось от нашей любимой земли!

Малфурион покачал головой.

— А ты подумала о цене, Тиранда? Помощь этого предателя обречет нас на скорое поражение. Я не желаю иметь с ним ничего общего.

Лицо Иллидана выражало бесстрашие. Родной брат по-прежнему не видел в нем ничего, кроме чудовища, марионетки Легиона. Придется доказать ему — доказать всем им, — что демоны невластны над ним.

— Что ж, продолжай дрожать от страха, брат, но делай это где-нибудь в другом месте, — произнес Иллидан. — А у меня есть работа и мало времени, чтобы ее завершить.

Иллидан выпустил сгусток силы, которую он уже начал неумолимо восстанавливать, отбросив собравшихся и припечатав их к каменным стенам. Он переступил через оглушенных родичей и вышел из своей тюрьмы, будучи уверенным в душе, что прежде чем это все закончится, его снова назовут Предателем, и сделают это заслуженно.

Он больше никогда не будет заключен в тюрьму снова.